

Руслан СЕМЯШКИН

Родился в 1983 году в Симферополе. Окончил Таврический национальный университет по специальности «история» и Одесский региональный институт государственного управления.

С публицистическими статьями и очерками печатался в журналах «Наш современник», «Простор», «Литературный Азербайджан», «Памир», «Политическое просвещение», «Известия СКП-КПСС», в газетах «Правда», «Советская Россия», «Литературная газета», «Литературная Россия», «День литературы», «Красная звезда» и других.

Живет в Симферополе.

«НАМ БЫЛО ТОГДА И ПО ДВАДЦАТЬ ЛЕТ И ПО СОРОК ОДНОВРЕМЕННО»

100 лет со дня рождения Юрия Бондарева (1924–2020)

Юрий Бондарев... Это имя хорошо известно всей читающей России, и представлять его нет большой надобности. И тем не менее в год столетия со дня его рождения, до которого он не дожил всего четыре года, поразмышлять о творчестве этого выдающегося писателя, о нем самом, гражданине, патриоте, мыслителе, все же необходимо.

Сейчас, когда наша страна продолжает свою битву с силами коллективного Запада, задумываясь о Бондареве, убеждаюсь в том, что мое восхищение широтой и глубиной, многогранностью его личности не ослабевает. Прекрасно осознаю, что всего, в полном объеме, с исчерпывающими рамками охвата и постижения им созданного духовного и нравственного капитала, выразить на бумаге не представляется возможным. Настолько велико и значимо его печатное слово. Да и восприятие произведений, при всех их бесспорных художественных достоинствах, не может быть одинаковым. Ведь по большому счету у каждого свой Бондарев. Свой в постижении его сюжетных ходов и линий, его порой очень и очень неоднозначных и противоречивых героев, в его авторском отношении к ним, в его понимании задуманных и выбранных тем.

О том, как он стал писателем, Юрий Васильевич рассказывал: «Помню: осенний дворик, морозящий дождь, низкое небо, стук капель по железу, запах ремонта – сырой извести и какое-то грустное волнение как предощущение чего-то. Или зимним вечером возвращаюсь из школы и неотрывно смотрю на белые рои снежинок, медленно плывущих в длинных конусах света от фонарей. Теперь мне кажется,

что стремление передать все это, смутный толчок к писательству возник именно тогда, в детстве, в замоскворецких переулках».

Но между школьными годами и тем моментом, когда Бондарев вплотит в жизнь так рано проснувшийся в нем интерес к литературному творчеству, была война, сыгравшая решающую роль в становлении будущего корифея русской советской литературы.

По-другому быть не могло, ведь и Юрию Васильевичу, родившемуся в 1924 году, да и всему тому славному поколению, к которому он принадлежит, было суждено пройти самое суровое, самое безжалостное бесчеловечное, жуткое испытание. И, буквально со школьной скамьи, пройти его без подготовки, не имея за плечами никакого жизненного опыта, необходимых знаний и закалки. У них не было на все это времени – будучи, по существу, мальчишками, им пришлось взрослеть и мужать в небывалой доселе в мировой истории, величайшей битве добра со злом, развернувшейся на их родной земле, земле их отцов и дедов. Но при этом, проявляя беспримерные образцы мужества, героизма, стойкости, воли и выдержки, им суждено было сформироваться в высоконравственных граждан, патриотов, созидателей. Однако не многим им, родившимся, как и Бондарев сто лет назад, суждено было вернуться домой после окончания той страшной войны.

В одном из лучших своих романов «Тишина», переносящим нас в первые послевоенные, мирные дни, двое молодых героев: один – сержант, ставший инвалидом, другой – вернувшийся в Москву капитан-артиллерист Сергей Вохминцев, встретившись у буфетной стойки, обмениваются такими, в полной мере относящимися к самому автору словами:

– А ты капитан? Когда же успел? С какого года? Лицо-то у тебя...

– С двадцать четвертого, – ответил Сергей.

– Счастливи-и-вец, – протянул Павел и повторил твердо: – Счастливец...

Повезло.

– Почему счастливец?

– Я, брат, по этим врачам да комиссиям натаскался, – заговорил Павел с хмурым веселостью. – «С двадцать четвертого года? – спрашивают. – Счастливец вы. К нам, – говорят, – с двадцать четвертого и двадцать третьего редко кто приходит.

К поколению Сергея Вохминцева принадлежали и другие самые лучшие, полюбившиеся с первого прочтения герои писателя, те герои, с образами которых прочно ассоциируется и сам Юрий Васильевич. Это капитан-артиллерист из повести «Батальоны просят огня» Борис Ермаков, командир батареи из «Последних залпов» Дмитрий Новиков, бывший командир роты, а после войны инструктор автоклуба Алексей Греков из повести «Родственники», лейтенант Кузнецов из романа «Горячий снег», командир артиллерийского взвода Вадим Никитин из знаменитого «Берега», командир взвода разведки, лейтенант запаса Александр Ушаков из романа «Непротивление».

Свои ранние повести, принесшие ему известность, бывший фронтовик, получивший ранение на подступах к Сталинграду, командир противотанкового орудия, по меткому выражению критика Ю. Идашкина, «мальчик без биографии, с одними воспоминаниями детства, и одновременно – суровый многоопытный мужчина, крещенный в огненной купели», Бондарев, заметивший однажды, что «нам было тогда и по двадцать лет и по сорок одновременно», – писал, вновь погружаясь в незабываемые годы героического и трагического противостояния,

пережитого им в военное лихолетье. «Повести “Батальоны просят огня” и “Последние залпы” родились, – вспоминал Юрий Васильевич, – я бы сказал, от живых людей, от тех, которых я встречал на войне, с которыми вместе шагал по дорогам сталинградских степей, Украины и Польши, толкая плечом орудия, вытаскивал их из осенней грязи, стрелял, стоял на прямой наводке, спал, как говорят солдаты, на одном котелке, ел пропахшие гарью и немецким толлом помидоры и делился последним табаком на закрутку после танковой атаки».

Так, на пережитом, навсегда врезавшимся в память огненном материале, Бондарев и прокладывал свой путь в литературу. Вне всякого сомнения, на этом тернистом пути ему повезло. Но везение не было случайным. Был напряженный труд, первые пробы пера, выбор и осмысление своей тематики, своего нового писательского слова, кропотливый учебный процесс. В Литературном институте, куда он поступит в 1946 году, его также повстречает большая удача – он попадет в творческий семинар под руководством одного из крупнейших писателей своего времени К. Паустовского.

При всей несхожести прозы этих двух мастеров отечественной литературы, при полном различии их творческих подходов ученик все же многое воспринял и от своего учителя. С благодарностью вспоминая о тех уроках, Бондарев скажет: «Некто скептический, прочитав книги Паустовского и мои, мог бы заключить, что учеба у него мало что мне дала, поскольку писательские манеры наши весьма далеки одна от другой. Но Паустовский сделал для меня чрезвычайно много: привил любовь к великому таинству искусства и слова, внушил, что главное в литературе – сказать свое. Вряд ли можно требовать от учителя большего».

Благодаря прозорливости блестящего наставника и настоящего мастера, а именно так, под именем «Мастер» напишет свои воспоминания о нем Бондарев, молодой писатель придет к четкому пониманию того, что «главное в литературе – сказать свое». Этой непростой задаче он и посвятит всего себя как писателя, страстного публициста, а позже, в самое трагичное время разрушения великой страны, предательства продажной верхушкой интересов миллионов соотечественников, – и как философа-патриота, мыслителя-борца. По пути подлинного служения Родине, народу, великой русской культуре и литературе Юрий Васильевич продолжал идти до последней своей весны 2020 года.

В чем же заключалось это «свое», заставившее Бондарева преодолеть все сомнения и колебания, отказавшись от учебы в авиационно-технологическом институте, вступая на незнакомый для него литературный путь? На первый взгляд – желание, духовная потребность, гражданский долг перед своим поколением, перед товарищами по оружию, не вернувшимися с войны, перед будущими поколениями, рассказать о горячих боях, танковых атаках, драматизме и беспримерном героизме, пережитыми в годы Великой Отечественной. Но более внимательный подход позволяет заметить, что это изначально впечатление неполно. Хотя бы уже потому, что самое раннее большое произведение писателя – повесть «Юность командиров», увидевшая свет в 1956 году, – фактически повествует о буднях советских воинов, офицеров артиллерийского училища. Затем будут написаны и замечательные роман и повесть, события в которых развиваются в первые послевоенные годы – «Тишина» и «Родственники». Следовательно, Бондарева никак нельзя считать представителем исключительно так называемой военной прозы.

Позвольте, скажут многочисленные поклонники творчества Бондарева, ведь и названные выше «Юность командиров», «Тишина», «Родственники», а также «Берег», «Выбор», «Игра», «Непротивление» – разве не пронизаны они военной тематикой? Неужели в них не присутствует война в самых характерных ее проявлениях? Или главные герои – Вохминцев, Греков, Никитин, Васильев, Крымов, Ушаков – не были ее непосредственными участниками? Или, может быть, в своеобразной трилогии о судьбах художников и о советской действительности второй половины XX века – романах «Берег», «Выбор», «Игра» – нет «военных» глав, имеющих самостоятельную, по существу автономную от основного повествования направленность, но в действительности неразсторжимо с ними связанных?

Да, во всех этих произведениях правда о войне через все пережитое героями этих творений, через их чувства, через духовно-нравственные испытания и поиски, заявляет о себе не менее основательно, чем и в сугубо военных вещах – в повести «Последние залпы» и романе «Горячий снег». И все же даже с учетом того, что Юрий Васильевич совместно с О. Кургановым и Ю. Озеровым выступит создателем сценария выдающейся советской киноэпопеи «Освобождение», запечатлевшей всю гигантскую панораму Великой Отечественной войны, и за работу над которым писатель будет удостоен Ленинской премии, он не становится летописцем войны как исторической данности. Бондарева прежде всего интересует и в военных, и в мирных условиях человек, его внутренний непростой, противоречивый мир. Исследованию этого мира и служит проза писателя, а тема войны выступает лишь тем фоном, пускай и очень существенным, порой, как в романах «Берег», «Выбор», «Непротивление», судьбоносным, на котором более полно раскрывается и постигается философия художнического замысла автора.

Придя в большую литературу со своим видением и восприятием действительности, с глубоким пониманием непреходящего значения духовности, нравственных ценностей и постулатов, Бондарев, последовательно, преодолевая раз за разом новые творческие вершины, весь свой талант и мастерство всегда обращал на освоение философского направления в русской советской прозе, которое до него чаще всего связывали с именем Л. Леонова.

Потому-то Бондарев так упорно и работал над постижением той глубинной связи между прошлым, настоящим и будущим, без которой «люди перестали бы познавать самих себя, бродя по перекресткам жизни как ледяные плоские зеркала, отражаясь в них немymi знаками». Отсюда, из прошлого, с военных лет, когда происходило сугубо нравственное, в жесточайших условиях войны с ее беспощадными законами, и чисто гражданское становление его Никитина в «Береге», Крымова в «Игре», и в то же время падение Ильи Рамзина в романе «Выбор», как раз и прокладывалась та невидимая, но скрепляющая нить с будущим. Взаимосвязь дня вчерашнего и сегодняшнего, их причинно-следственную неразрывность, писатель блестяще отобразит и в своей маленькой, в какой-то степени даже бытовой повести «Родственники», в которой развернется жизненная драма, заложенная в недалеком прошлом, когда вопреки кровному родству совершаются большие подлость и предательство. Но в жизни за все необходимо расплачиваться, в том числе и за преступления без срока давности. Сам себе вынесет приговор и Илья Рамзин из романа «Выбор», однажды предавший Родину и в результате отвергнутый собственной матерью.

Между прочим, Илья Рамзин в бондаревской галерее персонажей занимает особое место. Этот образ привлекает внимание не только сам по себе, но во многом и как антипод художника Васильева. Он показан писателем в трех временных отрезках – в юности, на войне и в пору зрелости, когда подходит время подводить жизненные итоги. И при этом, конечно, особо важно определить мотивы его поведения, вынудившие этого мужественного и отчаянного бойца сделать тот роковой выбор, по большому счету сломавший ему всю последующую жизнь, о которой на финише он скажет: «Сейчас я ценю жизнь не дороже ломаного гроша». Потому Бондарев и отправит Рамзина наконец-таки в Россию. Все же расставаться с опостылевшей жизнью лучше на родине...

Рамзина, бесспорно, как личность погубят его непомерное честолюбие и экзальтированная страсть к жизни. И хотя он не пойдет служить к генералу Власову и не станет военным преступником, выкарабкаться на поверхность жизни ему придется, лишь пройдя через все унижения и, разумеется, пойдя на уступки своей совести, загнанной в дальний угол и основательно им придавленной, а затем, на какое-то время успокоенной, но, тем не менее, окончательно не заглушенной, продолжавшей в нем все же теплиться.

Существование на чужбине, горькое одиночество приведут его к последнему выбору – добровольно уйти из жизни и быть похороненным на родной земле. Вот так, в конечном итоге, завершится земное прозябание человека с хорошими задатками, небесталанного, но сломленного, не выдержавшего убийственного напора жизненных испытаний и обстоятельств, пошедшего однажды по ложному, недостойному русско-го человека пути.

Эта суровая правда жизни далеко не всеми воспринималась так же однозначно, как самим автором, не являвшимся при этом сторонником ука-зующего перста и не осуждавшим своих героев. Среди читателей и критиков, а следует отметить, что практически все написанное писателем, особенно в советский период творчества, вызывало бурный поток критических разборов, суждений, дискуссий, – было немало и тех, кто трактовал вроде бы предельно понятные негативные поступки героев по-своему, пытаясь найти им оправдание. Были и те, кто испытывал жалость к Рамзину, кто находил оправдание даже тому факту, что он тридцать пять лет не давал родной матери знать о себе и не интересовался ее жизнью. При этом они осуждали ее, мать, за то, что она простить сына уже не смогла. Во всей этой драме, в основе которой находились элементарные человеческие пороки и заблуждения, как и в «Последних залпах», «Тишине», «Береге», «Игре», «Искушении», «Непротивлении», «Без милосердия», «Родственниках» Бондарев, во всех красках своего художнического дара воссоздаст острую проблематику лобового столкновения противоположных идейно-нравственных взглядов и позиций. И в этом противостоянии, а оно, известное дело, сопровождает нас на протяжении всей жизни, позиция Бондарева воспринимается как неподъемная глыба, так как он всецело на стороне добра, справедливости, высоких нравственных идеалов.

Бондарев наводил читателей на мысль о том, что в жизни неизбежно предстоит делать выбор. Выбор жизненного пути, выбор целей, приоритетов, ценностных ориентиров. И от того, каким он будет, всецело зависит вся последующая жизнь. А в ней между тем говорил нам писатель, с выбором, но уже на отдельных участках жизненного пути, повстречаться придется не единожды. Потому-то, думается, нелишне будет вновь обратиться и раздумьям художника Васильева, приходящим к нему в финале романа:

...Не искушение ли моим человеческим бессилием познать тайну правды и красоты времени? Не отсюда ли эта повторяющаяся у меня мука вины, тоска и сожаление о том, что весь мир висит на волоске, что исчезает что-то главное? Что исчезает? Доброта? Вера? Доверие и жалость друг к другу? Нет, не красота спасет мир, а правда равной неизбежности и понимания человеческой хрупкости каждого. Всех. Не сила, а трагическая слабость всех перед смертью. И здесь ничто не поможет. Ни талант, ни слава, ни положение. Ничто. Илья сделал свой выбор в сорок третьем году, чтобы выжить... А я после войны выбрал свой путь в искусстве к вершинам тщеславия через смирение: работать, работать, работать. Как одержимому. Значит, я был трудолюбив и удачлив – это что, счастье? Смысл моей жизни? а что же есть смерть? Самоисчерпаемость? Нет, Илья не исчерпал себя... Неужели смерть – тоже выбор, опыт вселенской силы, которая проводит свой эксперимент над человечеством и мешает познать истинный смысл жизни? <...> Что я хочу понять? Сделанный Ильей выбор? <...> и все-таки я хочу понять: есть ли единый смысл жизни? И есть ли единый смысл смерти? Неужели я хочу понять что-то запредельное, мистическое, непознаваемое? Нет, не волю придуманного бога, а высшую силу вселенной, ее разумную энергию, что, может быть, проводит над нами опыты, как убежден был Илья. Неужели она обманывает нас и правдой, и ложью, глупой надеждой на вечное здоровье, на помилование смертью и испытывает даже умопомраченной любовью... И разбивает общность духа. Так ли это? Но если все так, то нет единого смысла жизни и нет единого смысла смерти. Значит, на земле тысячи смыслов и тысячи выборов – и что же тогда? Может быть, поэтому я замечал, как логична и красива ложь и как неуклюжа, нелогична правда.

Воображение художника Васильева способно было рождать беспокойные и тревожные картины. И вопрос даже не в том, что он задумывался над смыслом смерти, тем более во сне. Сны его в романе выступают в качестве художественных приемов писателя, стремившегося представить широкий обзор переживаний, чувств, мыслей своего героя, олицетворявшего творческую интеллигенцию, к которой принадлежал и сам Бондарев. Немаловажно Юрию Васильевичу было обнажить и скрытую работу подсознания, которое, как известно, не фиксируется какими-либо четко выраженными внешними проявлениями. Таким образом он вырывал читателей из привычных и общепризнанных границ времени и пространства, а глубинные, но незримые, недоступные эмпирическому наблюдению внутренние процессы становились вполне осязаемы. Мы же их могли переживать и осознавать острее и глубже.

Так вот, задумываясь над выбором Рамзина, имевшего лишь туманное прошлое, но лишившего себя настоящего и будущего, Васильев, единственный в романе осознающий всю сложность происходящих событий, и пытается отвечать на вопросы самые что ни на есть существенные, основополагающие, балансирующие на грани жизни и смерти. Его занимает постижение вечных истин, потому он и стремится осмыслить собственный жизненный путь, ответив себе: а был ли в нем смысл?

Жизнь здорово встряхнула Васильева, повернула лицом к реальной действительности, и он увидел многое из того, что ранее ускользало от его взора, вроде бы способного многое запечатлеть. И вот к двум его страстям – любви к извечной, грубой и нежной красоте природы и исключительной преданности работе, без которой терялся для него смысл существования, прибавляется и третья страсть – сострадание. Васильев начинает понимать, что без одного, без доброты, жалости, способности протянуть руку помощи, человечеству никак не обойтись.

Без этих скреп оно бессильно. И разве эти бондаревские заключения, трансформировавшиеся в напутствия современникам и будущим поколениям, потеряли свою актуальность? Неужто нынешняя наша действительность кардинально изменилась и мир людской стал добрее, гуманнее, совестливее? Или, может, в нем перестали вспыхивать военные конфликты и люди отказываются брать в руки оружие, и уже больше нигде не проливается человеческая кровь? Ответ очевиден... Но должно ли это останавливать нас в нашем неизбывном стремлении к миру, всеобщему взаимопониманию и общечеловеческой естественной потребности творить добро? Нет, не должно!

Вспоминается спор писателя Никитина с западногерманским собеседником, критиком и публицистом Дицманом, описанный Бондаревым в романе «Берег». Мы, говорит нам писатель, русские и советские люди, выступаем наследниками всего духовно-нравственного наследия человечества, его лучших и нетленных образцов. И мы не просто все это духовное богатство наследовали, но и продолжаем его качественно развивать в новых исторических условиях, как всегда, не сулящих России спокойной и умиротворенной жизни.

«Спор в романе идет о гуманистическом наследии русской культуры и всего человечества, – писал в 1975 году известный русский советский критик и литературовед Ф. Кузнецов. – Никитин яростно отрицает попытку Дицмана присвоить это наследие себе – в целях парадоксальных: для обоснования собственной бездуховности и безнравственности. “Зыбкость границы”, границы между добром и злом, – “это ваш Достоевский, самое главное в его романах”, – восклицает Дицман. “Помоему, главное в Достоевском – поиск истины в человеке...” – отвечает Никитин. В современный идеологический спор, утверждается в романе “Берег”, вовлечена вся история духовного развития человечества, спор идет по самым сложным и глубоким категориям развития человеческого духа, – и мы не можем не выиграть этот спор».

Да, спор с западным миром продолжается. И он уже давно приобрел цивилизационный характер. Сможет ли Русский мир выйти из него победителем? Одолеем ли мы эти силы коллективного и разнузданного зла? Хочется верить, что одолеем... непременно одолеем.

«Художественные открытия Бондарева связаны с новым ракурсом воззрения на мир, с новыми типами героев, которыми, несмотря на сложный комплекс переживаний, сомнения, нелегкий путь самопознания, овладевает горячая вера в свое дело, – писал известный литературный критик Н. Федь. – Писатель воссоздает многослойный и неоднозначный процесс духовных исканий современника, которые выступают как самая жгучая и острая потребность эпохи. Бондарев испытывает человека на прочность. Он пишет жизнь, как она есть, признавая за ней достоинства и недостатки, каковы ей присущи. Поэтому столь пронзительно звучат хотя бы вот эти его слова: “Я стараюсь помнить, что литература – это великое переселение из мира внешнего в мир внутренний, что ей дано проводить всеобщую ревизию совести, порицать мировой порок безразличия друг к другу, жестокость, алчность, варварское соперничество с самой природой, которое ведет к гибели природы и человека не только физически, но и через сознание собственной вины”.

Парадокс: если тяжела десница жизни, то может ли человек быть счастлив? Ответ напрашивается вроде бы простой: какое же это счастье под давлением, стало быть – не может. Своим искусством Бондарев

разрушает этот парадокс. Он создает такие характеры, которые стремятся к постижению истины в наиболее трудные периоды их бытия и через страдания прорываются к счастью. При этом они начинают сознавать, что их жизнь протекает в один из наиболее драматических этапов всемирной истории».

К этому следует добавить, что и сам писатель жил в это непростое, драматичное, а затем, в 90-е, так и вовсе «подлое», напрочь бездуховное время. И в духовных исканиях его героев отчетливо просматриваются искания самого Бондарева, никогда не устававшего размышлять над самыми глубинными и сущностными проблемами земного бытия. И не просто рассуждать, но и находить ответы на самые жгучие вопросы, вызывавшие у него беспокойство и тревогу, и не только как у писателя, но и как у гражданина, всегда придерживавшегося твердой, непоколебимой гражданской позиции, основывавшейся на убеждениях и воззрениях, нацеленных на построение высокодуховного людского социума – основы для счастливой и полновесной человеческой жизни на земле.

С каждым новым произведением Бондарев, ни в коем случае не идеализируя своих героев, представляя их в реальной противоречивости и непохожести людских характеров, подводил нас к пониманию непрерывности жизненных путей на земле, к вечному поиску смысла жизни, к незыблемой взаимосвязи прошлого с настоящим и будущим. Этим же философским исканиям, глубинным размышлениям над наиболее острыми вопросами современности служила и многогранная публицистика Бондарева и особенно его блестящая книга небольших новелл и миниатюр «Мгновения». Ее трудно подвести под определенный литературный жанр. Но в этой удивительной мозаике человеческой жизни как главной ценности бытия весь Бондарев – самобытный мыслитель, философ, гуманист, продолжатель традиций и убежденный последователь духовных исканий и стремлений своих величайших предшественников: Л. Толстого и Ф. Достоевского, И. Тургенева и А. Чехова, Л. Леонова и М. Шолохова.

Бондарева всегда интересовал человек, живущий в реальной действительности. Потому и выработался у него с годами *свой целостный* взгляд на мир и человека в нем. И человека отнюдь не обыденного и неприметного, а героического, способного на решительные действия и совершение подвигов.

При этом важно отметить, что героическая личность в произведениях писателя характеризуется не только свершением подвигов в их материальном выражении (например, в количестве подбитых на войне танков), а и добровольным принятием на себя ответственности за людей и одновременно за себя, чтобы и самому в тягчайшем испытании не уронить высокое звание человека. И мужество героя у Бондарева особое – отстоять с честью нравственные убеждения, лежавшие в духовной жизни советского народа, закрепленные в его коллективном народном сознании. Убедиться в этом бондаревском понимании существа советского героизма нетрудно, стоит лишь вновь поразмышлять над проблематикой его романов.

Война в ее документальном проявлении, с хронологическими рамками и строгим событийным ходом, зафиксированным исторической наукой, никогда Бондаревым не выдвигалась на передний план. Скорее она для него выступала проявлением реальной жизни, каждодневно проживавшейся в других, по-настоящему чрезвычайных обстоятельствах

и при помощи совсем иных подручных средств. Той жизни, в которой бытие и небытие не были разделены уже видимой гранью. Потому и писал Юрий Васильевич в своих «Мгновениях»:

...Главные участники истории – это Люди и Время. Не забывать Время – это значит не забывать Людей, не забывать Людей – это значит не забывать Время. Быть историчным – это быть современным. Количество дивизий, участвовавших в том или ином сражении, подсчитывают историки. Да, они подсчитывают количество потерь, определяют вехи Времени. Но они не смогут подслушать разговор в окопе перед танковой атакой, увидеть страдание и слезы в глазах восемнадцатилетней девушки-санинструктора, умирающей в полутьме полуразрушенного блиндажа, вокруг которого гудят прорвавшиеся немецкие танки, ощутить треск пулеметной очереди, убивающей жизнь.

В нашей крови пульсируют токи тех людей, что жили в истории. Они не знали и не могли знать то, что знаем мы, но они чувствовали то, что уже не чувствуем мы. При ежесекундном взгляде в лицо смерти все обострено, все сконцентрировано в человеческой душе. И вот этот фокус чрезвычайно интересен мне.

Беспощадная правда изображаемых событий, даже жестокость, бывшая в условиях войны, да и в мирные годы тоже, составляли при этом одну из основ, формировавших взгляд Бондарева на героическую личность. Личность, подчеркнутую, рожденную советским государством, бывшую фактически представителем первого поколения людей, выросших при советской власти.

Закономерным поэтому представляется и молодой герой Бондарева, вчерашний десятиклассник или студент первого курса. Как говорил Новиков: «Прошлое можно уложить в одну строчку». Но прошлое это было особым. Справедливо писал о нем и О. Михайлов:

Во дворе московских домов – мальчишки в «испанках», играющие в войну, бредящие Чапаевым и Карацупой, жадно ожидающие возвращения папанинцев и следящие за перелетом Чкалова через Северный полюс в Америку. Видимо, было в них что-то особенное уже от того одного, что жили они именно в Москве, столице Советского Союза, в городе, где бился пульс огромной страны. Страны, уже успевшей не только провести коллективизацию, на и дать отчет народу о первых успехах, воздвигнув за Мещанской улицей, на пустыре, сказочный городок Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Страны, разгромившей японских интервентов на озере Хасан и Халхин-Голе, освободившей Бессарабию, Западную Украину и Белоруссию. Страны, преодолевшей издержки нигилистического отношения к прошлому и восстановившей в правах великую русскую культуру – от Чайковского до Пушкина. Наконец, страны, которая законно гордилась успехами не только в промышленности, сельском хозяйстве, науке, но и искусстве и литературе... Конечно, десятикласснику или первокурснику горного института не под силу было охватить такой материк духовных и нравственных ценностей. Однако особая закваска, зерно нового, советского характера, уже проросло в этих мальчишках, что и позволило выковаться личностям Ермакова или Новикова.

Добавим – и другим героям писателя, составившим галерею бондаревских образов, не только украсивших русскую советскую литературу, но и наполнивших ее новым содержанием, не растерявшим своей актуальности и в наше трудное, но судьбоносное время.

Бондарев изображал человеческое сознание в непрерывном движении, мгновенно реагирующим на внешние обстоятельства, открывавшие

В итоге самые разнообразные грани характеров героев и глубже отражавшие их сущность. Движение сознания при этом у него целенаправленное. От бытового и сугубо житейского продвигавшееся к более полному единству с миром и людьми, а вместе с тем и к идеалам земного совместного сосуществования человечества, справедливым и гуманистическим, выношенным самой историей цивилизации. Фактически это и был тот единственный путь к гармонии и согласию между личностью и миром, называемый счастьем. И Бондарев в то же время давал нам широкую панораму жизни, в которой присутствовала и борьба – неизбежное условие движения вперед, к новым жизненным вершинам. Вместе с тем он глубоко осмысливал и противоречия нравственного порядка, а именно естественное желание человека ориентироваться на высшие моральные императивы, возможность воплощения в жизнь которых, увы, никогда, ни в одну из исторических эпох, не просматривалась.

И все же «диалектика души» героев Бондарева находилась в соответствии с диалектикой бытия, что и требовало от них активных действий. Гармония мыслилась писателем не как простое и раз навсегда данное совпадение убеждений личности с такими же неизблемыми законами внешнего мира, но как укоренившееся соответствие движения сознания движению бытия. Да, тому вечному неостановимому движению, на котором построено все земное наше существование, в основе своей устоявшееся, давно осмысленное, однако остающееся противоречивым, а порою даже непредсказуемым и не подающимся здравому смыслу, а также законам логики.

Этим-то внедрением во внутренний мир современника и рассуждениями о его самосовершенствовании и стремлении к гармонии бытия и сознания, Бондарев, думается, и сказал *свое* новое слово в непрекращающихся в мировой литературе спорах о человеке, его естестве, способностях, достоинствах и недостатках. При этом писатель однозначно давал нам понять и ту истину, что человек способен меняться в лучшую сторону, как способен он стремиться и к доброте, справедливости, нравственным постулатам. Ему следует при сем поднапрячься, поработать, стать более мужественным и героичным, ведь героическое начало в человеке заложено самой природой и стоит лишь в себе его укрепить, развить, активизировать... В общем, по Бондареву, всем нам следует жить полнокровно, гармонично и обязательно творить добро. Тогда-то и будет в обществе царить согласие, и оно наконец-таки станет в действительности счастливым.

Не приукрашивая действительность, не отказываясь от необходимости развязки непростых, конфликтных ситуаций, показывая человека таким, какой он есть, его непростую природу, не отдавая при этом предпочтения тем или иным героям, строго придерживаясь существовавшего и главенствовавшего тогда метода социалистического реализма, Бондарев все-таки являлся страстным пропагандистом подлинной человеческой красоты во всех ее проявлениях. Красоту писатель воспринимал как логику и самой жизни, и литературного процесса. Он видел ее в качестве инструмента воздействия на человеческие души и главной целью искусства, ибо красота – не что иное как «глубина истины реального мира, человеческих действий, человеческого бытия, правда окружающих его вещей». Красота, в ее широком понимании, у Бондарева выступала в роли вечного стимула в его художественном творчестве. Оттого и стремился он к показу подлинных ценностей, к бичеванию зла и несправедливости, о чем вполне конкретно говорил

в статье «Поиск истины»: «Я ненавижу и в жизни, и в своих книгах несправедливость, ложь, равнодушие, предательство, карьеризм, и я хочу верить, что золотые истины могут победить и побеждают свинцовые инстинкты. И я ищу в людях активное добро, мужество, товарищество и единение, не умиляясь и не приукрашивая человека, но и не унижая его презрением и жалостью». Пожалуй, даже в названиях его поздних произведений, написанных в совершенно иных общественно-политических условиях, таких как «Искушение», «Непротивление», «Без милосердия» заложен тот глубокий подтекст, переплетающийся с всю жизнь волновавшими писателя вопросами, связанными с постижением его же писательской формулы «красота – истина». И эта позиция Бондаревым никогда не пересматривалась.

С годами, критично оценивая нынешнюю действительность, сопереживая вместе с народом все тяготы, горе и невзгоды, пришедшие на нашу многострадальную землю, голос писателя стал звучать еще более жестко и непоколебимо. Неудивительно, что для многих ярких сторонников буржуазных реформ, для разношерстных либералов, русофобов и антисоветчиков Бондарев стал ненавистен. Они не смогли простить ему его веских и убедительных выступлений с высоких трибун Верховного Совета СССР и XIX Всесоюзной партийной конференции КПСС. Не простили они писателю, стремившемуся сохранить Советский Союз, и его участие в июле 1991 года в подготовке совместного заявления «Слово к народу», подписанного лучшими сынами и дочерьми России, в том числе – Л. Зыкиной, А. Прохановым, В. Распутиным, В. Клыковым. Записав его в враги, по большому счету откровенно не воспринимали они Бондарева и потому, что в его гражданском величии растворялись целиком и без остатка.

В то тяжелейшее время, когда вчерашние товарищи по литературному цеху, еще недавно находившиеся в числе стойких приверженцев советского строя, без тени смущения переметнулись в стан его разрушителей, Юрий Васильевич оказался в числе немногих, отказавшихся предавать социалистическое государство и те духовно-нравственные ориентиры, которые и были стержнем его мировоззрения и бытия. Как бы ни было трудно, он остался верен самому себе. А по другую сторону баррикад, к сожалению, встали, так же, как и Бондарев, фронтовики, казалось бы, исконно советские писатели, к стати обласканные до предела советской властью, всем известные А. Ананьев, В. Астафьев, В. Быков. А ведь всех их, Героев Социалистического Труда, ставили в один престижный ряд самых ярких и читаемых советских писателей, мастеров «военной» прозы. И этот список в одночасье переродившихся писателей и литераторов можно продолжить. Он действительно немал. Но это тема для отдельного разговора. Для нас же важно подчеркнуть то, что Бондарев не сломался, не изменил своих убеждений, не встал на путь очернительства советской страны, не поддавался на посулы и обещания ее разрушителей. Отказался он, не желая становиться в один ряд с теми, кто открыто глумился над Отечеством, принимать и орден из рук ненавистного ему Ельцина...

Да, Юрий Васильевич до последнего дня своей жизни оставался тем же, кем все мы и привыкли его воспринимать – писателем-патриотом, человеком, искренне болевшим за Россию. Он был бескомпромиссен в отстаивании убеждений и принципов, но при этом старался никогда не ожесточаться и не впадать в назидательность и категоричность. Сила его как художника, философа и общественного деятеля была в другом –

в умении вычленять из конкретно-исторической, социально-политической и психологической жизни незыблемые общечеловеческие ценности и мотивы, дававшие ему стимулы для творчества и помогавшие идти по жизни уверенно, с высоко поднятым забралом.

По-прежнему актуальны и его произведения. Их вновь переиздают, так как притягательность особой нравственной заостренности поведения и глубокий философский анализ духовного мира героев не потеряли заданной писателем социальной направленности. Их читает молодежь, та ее часть, которую называют думающей.

Не канула в Лету и его смелая и страстная, оригинальная по содержанию, чеканная по стилю публицистика. В наши дни она, острая и проникновенная, словно выдержанное вино, воспринимается еще более осознанно.

С развалом Советского Союза, осмысливая все произошедшее с великой страной, народом, сверхкритично воспринимая порядки, а по сути отсутствие таковых в новой капиталистической России, писатель-патриот однозначно констатировал: «В истории был яркий прорыв общечеловеческой истины – социалистической цивилизации, родственной правлению народа, когда человек не чувствовал себя одиноким среди братьев и сотоварищей. На ветрах несчастий и штормов современный человек в конце XX века оказался затерянным в толпе приниженных усталым безразличием сограждан».

И эти мысли Юрия Васильевича нельзя расценивать как своеобразную дань прошлому и светлую ностальгии по нему. Все значительно сложнее – без глубокого постижения и осмысления пройденного пути, ответов на большинство волнующих нас вопросов не найти. Посему Бондарев и продолжал размышлять, комментировать самые острые вызовы времени, пытаться давать ответы на непростые вопросы, рождаемые современностью, писать, нацеливать нас, ныне живущих, да и тех, кто придет нам на смену, на подлинное, искреннее, самозабвенное служение. Служение России.

Время – незаменимый свидетель и судья, а писатель – неустанный искатель вековой цели и законов нашего существования, а не спортивный комментатор увлекательных сюжетов.

Есть ли неопровержимый ответ на главный вопрос: от чего человек исшел, куда шел и куда придет?

Вероятно, приблизится к ответу тот, кто в бессонные ночи спрашивал самого себя: не изменял ли и до конца ли верен он самой святой заповеди – любви к родной колыбели?

Эти мысли, сформулированные Юрием Бондаревым на стыке двух тысячелетий, и есть та квинтэссенция понимания его творчества. А, следовательно, для нас он навсегда останется тем великим «неустанным искателем вековой цели», хранителем «любви к родной колыбели», непримиримым борцом за торжество подлинных, а не мнимых, как бы привлекательно их сегодня не преподносили нынешние кликуши и бездарные однодневки, захватившие бескрайнее культурное пространство нашей страны, человеческих ценностей и идеалов, неутомимым подвижником земли русской.